

Malysa, Oxana

Уверения, обещания, обязательства : от слова к тексту

Opera Slavica. 2012, vol. 22, iss. 2, pp. 1-10

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125564>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

УВЕРЕНИЯ, ОБЕЩАНИЯ, ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ОТ СЛОВА К ТЕКСТУ

Оксана Малыса (Катовице)

Абстракт:

Присущие каждому языку наименования речевых актов и жанров способны отражать способы коммуникации и представления о них как об определенной целостности. Не случайно поэтому темой статьи стали лексемы, непосредственно входящие в круг обозначений речевой деятельности и называющие текстовые образования комиссивного характера. Их широкий семантический охват и инвариантная интенциональность выражаются гиперонимами *уверение*, *обещание* и *обязательство*. Исследование проводится в сопоставительном плане на русском и польском материале, что дает возможность выявить культурно-языковую специфику анализируемых единиц.

Ключевые слова: номинация, речевой акт, речевой жанр, комиссивы, русский язык, польский язык

Assurances, Promises, Obligations: from the Word to the Text

Abstract:

Names of speech acts and genres typical of each language reflect the ways of communication and enable to see them as a certain entity. Therefore the article focuses on the lexemes directly defining speech-related activities and naming commissive texts. Their wide semantic range and the invariant intention are expressed by hyperonyms such as: *assurance*, *promise* and *obligation*. The comparative analysis of this area in Polish and Russian enables to determine cultural and linguistic specificity of the investigated units.

Keywords: nomination, speech act, speech genre, commissives, the Russian language, the Polish language

Способность языка, как известно, может проявляться не только в назывании определенных речевых сущностей, но и в тождественности социально направленному действию. К такого рода феноменам принадлежат слова, которые входят в круг обозначений речевой деятельности, к примеру, просьба, пожелание, совет, запрет, обещание, угроза. Данные наименования лежат в основе соответствующих речевых актов, а отдельные из них

составляют также ядро жанровых образований. Кроме того, все три уровня находят свое специфическое преломление в разных типах текстов.

Вышеперечисленные аспекты семантических исследований рассмотрим в сопоставительном русско-польском плане на примере лексем, называющих комиссивные речевые акты и жанры, т.е. образований с облигативным характером. Они включают, в частности, такие разновидности, как клятва, обещание, присяга в русском языке и *obietnica*, *przysięga* в польском. Наряду с этим существуют, конечно, отдельные их реализации с присущей им ассертивной сутью. Н. Ю. Шведова, классифицируя лексемы такого рода, относит их к двум типам речи: не приклепленной либо прикрепленной к официальной или специальной сфере (Шведова, 2003: 296, 306), что применимо и на почве польского языка. В состав первой из них входят номинации речевых актов, характеризующихся с содержательной точки зрения. Сюда причисляется интересующая нас группа слов, инвариантная интенциональность которых подчеркивается гиперонимами *обещание* и *уверение*¹. Сама лексема *обещание* толкуется, как и большинство абстрактных существительных, через синонимически близкое понятие: это *уверение в том, что будет обязательно выполнено, не нарушено*. С *уверением* – т.е. с *убеждающими словами, заверениями* – связано и выяснение значения слова *клятва*: это *уверение в твердости своих намерений, безусловности, истинности своих слов, поступков*². Обратим внимание на то, что здесь, с одной стороны, прослеживается параметр истинности информации, а с другой – компонент долженствования. Первый из них реализуется также в божбе, трактуемой как *клятвенное уверение*. В других лексикографических изданиях приводится однако дефиниция *клятва именем бога*, в которой явственно проступает этимологическая основа божбы, и, в отличие от труда Шведовой, где это слово дается с пометой *разговорное*, оно не всегда соотносится с разговорно-бытовой сферой использования³. Иные словари отсылают к глаголу *божиться*, описывая божбу как действие к нему⁴.

¹ В этот класс Шведовой наряду с обещанием и уверением включается также соглашение.

² *Русский семантический словарь*. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Москва 2003, с. 296. Если нет иных сносок, дефиниции слов приводятся по этому изданию.

³ См. *Словарь русского языка в 4-х томах*. Гл. ред. А. П. Евгеньева. Том 1. Москва 1981, с. 103, *Словарь* под ред. Ефремовой (в нем при слове *божба* есть помета *разг.*)

⁴ К примеру: Д. Н. Ушаков. *Большой толковый словарь современного русского языка*. Москва 2000

Интересно отметить, что таким же образом называется служащая для уверения в правдивости клятвы, принятая в среде преступников⁵.

Если значение уверения распределяется по двум направлениям – деонтической (обещание) и эпистемической модальности (божба), с соприкосновением обоих этих типов в клятве, то семантическое наполнение обещания однозначно проецируется лишь на первое из них. Так, это находит свое выражение в толковании следующих слов: *заверение, завет, зарок, обет, посул*, а также *заклятие*. Среди них можно выделить отдельные подгруппы, в зависимости от связи обещания с намерением совершить какое-либо действие или не сделать чего-либо, а также от сведения его сути только к невыполнению действия. К примеру, наряду с самим обещанием и клятвой, установка на осуществление/неосуществление действия прослеживается в обете, слове, посуле, завете, а зарок и заклятие отрицают его реализацию. Ср. *зарок – клятвенное обещание не делать чего-н.: Дать себе зарок не пить*. С большей интенсификацией, на что указывает в дефиниции слово *клятва* и соответствующие определения, это проявляется в одном из значений устаревшей лексемы *заклятие*⁶ – *нерушимая, непререкаемая клятва, зарок: Я боюсь его клятвы, – отвечал Маркелл, – ибо он дал заклятие не хоронить тела его* (Иконопись Ветхого и Нового Заветов. Папская пещера или Крипта Пап. Катакомбы Каллисто. Рим. Часть 2 б – <http://all-art.do.am/publ/6>. Дата доступа 10. 06. 2011). Кроме того, В. Даль приводит слово *закайка* со значением *зарок, действие по глаголу закаиваться*, т. е. *зарекается, класть зарок, обещаться не делать чего вперед*.⁷ В современных словарях фиксируется уже только глагол *закаиваться*, перешедший в разряд разговорно-сниженной лексики⁸.

К устаревшим относится в интересующем нас значении слово *завет – уговор, обещание*, которое однако, как и лексема *заклятие*, используется до сих пор в текстах религиозного содержания: *... и до самой кончины своей соблюдал девство душевное и телесное, ибо положил завет с самого раннего возраста никогда не взирать на лицо женское* (Святитель Димитрий Ростовский. Память преподобного отца нашего Тимофея, пустынноика

⁵ Грачев М. А., Мокиенко В. М. *Историко-этимологический словарь воровского жаргона*. Санкт-Петербург, 2000, с. 159

⁶ Т. Ф. Ефремова толкует заклятие как клятвенное обещание не делать чего-л.; зарок. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 1. Москва 2000. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>. Дата доступа 10. 06. 2011

⁷ <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/~3/22/> Дата доступа 27. 06. 2011

⁸ Т. Ф. Ефремова. *Новый словарь русского языка ....*

в Символах. www.makary-monastery.ru/index.php?option=com. Дата доступа 10. 06. 2010).

Исключительно со сферой религии был первоначально связан обет, что прослеживается в его толковании – *обещание, обязательство, принятое из религиозных побуждений*⁹. Шведова приводит уже только часть дефиниции: *торжественное обещание* с пометой, указывающей на использование этого слова в так наз. высоком стиле, что в принципе включает и церковно-религиозную разновидность. Это подтверждается также примерами, данными в качестве иллюстрации: *Обет молчания. Обет вечной любви. Дать, произвести обет. Нарушить обет. Обет монашества. Обет безбрачия (у католического духовенства, у православных монахов)*¹⁰. В свою очередь, в *Толковом словаре русского языка конца XX века* особо отмечается привязанность данной лексической единицы к религиозному пласту: *обет – клятвенное обещание совершить к.-л. богоугодное дело после просительной молитвы (обычно о выздоровлении, успехе в важном деле и т. п.)*. Именно это обусловило тот факт, что по историко-политическим причинам слово *обет* вернулось в актив лишь в конце прошлого столетия, пребывая в пассивном запасе около 80 лет, что зафиксировано в словаре¹¹.

В другой области – просторечии – функционирует слово *посул*, обозначающее *обещание (обычно ненадежное)*. Эта предполагаемая ирреальность действия находит отражение в следующих контекстах: *Пустые посулы. На посуле, как на стуле – поговорка о ненадежных обещаниях. На посуле, что на стуле: посидишь, да и встанешь (пословица)*¹².

И наконец, лексема *слово* может выступать и как синоним *обещания* – т. е. *уверения в том, что будет обязательно сделано, не нарушено*, но и как исключение в рассматриваемой нами группе может использоваться также в качестве *уверения в искренности, правдивости*¹³.

Таким образом, наряду с нейтральными общеупотребительными словами (*уверение, клятва, обещание, слово, зарок*) в этот круг включаются лексемы, практически вышедшие из обихода (*завет, заветное, заветное, заветное, заветное*), принадлежащие к высокому стилю (*обет*), разговорной речи и воровскому жаргону (*божба*) либо к просторечию (*посул*). Такой широкий стилистичес-

⁹ *Словарь русского языка в 4-х томах*. Гл. ред. А. П. Евгеньева. Том 2. Москва 1981, с. 530–531

¹⁰ *Русский семантический словарь*. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Москва 2003, с. 296.

¹¹ *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Под ред. Г. Н. Складчиковской. Санкт-Петербург, 1998, с. 430.

¹² *Русский семантический словарь*, с. 296.

¹³ Там же.

кий спектр, передающий, в частности, различные семантические оттенки слов и отражающий сферу их использования, свидетельствует об их распространенности и значимости в речи человека, а также связанных с ними деяний во внеязыковой действительности.

При этом необходимо отметить, что, безусловно, не все из речевых актов, которые называют приведенные существительные, проецируют жанр. Жанровое оформление отличает главным образом клятву, в меньшей степени обещание и обет. Хотя М. Бахтин и рассматривает божбу как речевой жанр площадки на основании изолированности, завершенности и самоцельности,¹⁴ мы склонны рассматривать его в силу ситуативно-интерактивного фактора как более минимальную единицу общения, т. е. речевой акт¹⁵.

Несмотря на то, что Шведова все вышеприведенные слова объединяет на основании их неприклепленности к специальному кругу, все же отдельные из них служат наименованиями для определенных ситуаций, имеющих ритуальный характер, а, следовательно, регулирующих общественные отношения. Конечно, они не соотносятся с сугубо официальной средой и главным образом привязывают личность к создаваемому ею образу в эмоциональном плане, но озвучиваются публично, при соблюдении сценарной драматургии ритуала. Так, к примеру, без соответствующих обетов нельзя принять духовный или монашеский сан, а профессионально-корпоративные клятвы, такие, как клятва Гиппократова или принятая в 1999 году клятва врача России произносятся в торжественной обстановке теми, кто собирается стать медиками.

Собственно деловую речь представляют такие существительные, как *гарантия*, *обязательство* и *присяга*, объединенные Шведовой гиперонимом *ручательство*, что несколько расходится с иными классификациями, где доминантой ряда предлагается считать *обязательство*¹⁶. Согласно дефинициям, *ручательство* – это *обязательство, принятая на себя ответ-*

¹⁴ М. Бахтин. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. http://www.infolib.info/philol/bahtin/rubler2_3.html. Дата доступа 08.06.2011.

¹⁵ Высказывания, к которым относится божба (*Ей-богу! Даю голову на отсечение! Век свободы не видать*), понимаются также как коммуникемы – непредикативные синтаксические единицы, «служащие реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющие в языке прагматические функции» – см. В. Ю. Меликян. *Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва 2001, с. 6–7.

¹⁶ Ср., напр.: М. Я. Гловинская. *Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов*. В: *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. Москва, 1993, с. 176–177.

ственность за кого-что-н., гарантия – 2. официальное ручательство, обеспечение надёжности чего-н., обязательство – это 2. официальное данное обещание (обычно в письменной форме), требующее безусловного выполнения. Как торжественное клятвенное обещание толкуется присяга (офиц.).¹⁷ Здесь следует обратить внимание на то, что в русском языке первоначально наименования *клятва* и *присяга* были взаимозаменяемы, но впоследствии термин *присяга* закрепился прежде всего в контексте государства и его институтов¹⁸. Это предопределяет и законодательную оформленность текстов, к примеру, военных присяг или присяг должностных лиц. Приведенные здесь толкования описывают скорее речевые акты, но все указанные слова, обозначающие речь, прикрепленную к официальной или специальной сфере, служат и наименованиями жанров.

Семантика долженствования в обещаниях и уверениях ориентирована в большей степени на реципиента, за исключением залога и заклятия, в которых она направлена на самого производителя речи. В поле ручательства/обязательства пресупонируется обращенность к самому себе¹⁹ и подчеркивается ангажированность собственного я. Причем адресат может быть собирательный и особенно весомый – определенный круг общества, государственные органы или само государство, народ. Следствие невыполнения взятых на себя обязательств и возложенной на себя ответственности также гораздо жестче. К примеру, если уклонение от армии считается незаконным действием, то нарушение воинской присяги является не только поступком вне закона, но и изменой Родине.

На польском материале А. Вежбицка, исследуя речевые акты, рассматривает наименование *gwarancja*. Оно трактуется как близкородственное понятию *zobowiązanie* (обязательство), связанному с правовой областью. Сравнивая его со словом *obietnica* (обещание), ученая приходит к выводу о том, что слова из круга обязательств предполагают уверенность реципиен-

¹⁷ *Русский семантический словарь*, с. 306–307.

¹⁸ Интересно отметить, что польское слово *klątwa*, означающее «анафему», «проклятие», «заклятие», как и ему подобные в других славянских языках, этимологически связано со словом *клятва* – именно значение последнего возникло из «проклинать себя» (М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Т. II, Москва 1986, с. 259), т. е. это проклятие, условно направленное на произносящего клятву/присягу. Если это условие (свидетельствование правды или сдержание слова) не выполняется, имеют место последствия проклятия как состояния бытности проклятым – тот, кто клянется нечестно, проклинает самого себя, отягачаясь такими же бедствиями, как и тот, кто был проклят иным (А. Engelking. *Klątwa. Rzecz o ludowej magii słowa*. Warszawa 2010, с. 131).

¹⁹ М. Я. Гловинская. *Семантика глаголов речи...*, с. 177.

та в совершении действия. Этого не коннотирует обещание, которое скорее является результатом уступки нажимам, прессингу со стороны адресата²⁰.

В польском языке наполнение образований, объединяемых в указанные группы, проходит несколько иначе, чем в русском. Проводя анализ в сопоставительном плане, можно отметить, что в польском языке термину *присяга* соответствуют слова *przysięga* и *ślubowanie*, семантический охват которых во многом связан с узусом. Так, *военная присяга* соотносится со словосочетанием *przysięga wojskowa*, *присяга президента* – с сочетанием слов *przysięga prezydenta*, но уже *депутатская присяга* звучит по-польски как *ślubowanie poselskie*. По своей основе *przysięga* может носить как обязательный характер и регламентироваться законодательством, так и отличаться добровольностью, спонтанностью, возникать по собственному желанию. *Przysięgi* некоторых военных, иногда также политиков окказиональны по своей природе, достаточно вспомнить слова польского борца за независимость Тадеуша Костюшко. Будучи уже связанным с армией, т. е. уже по принесении присяги, он давал новую присягу в марте 1784 года на Рыночной площади в Кракове. Формально становясь во главе восстания в один из наиболее драматических моментов в истории Польши, Костюшко клялся быть верным идеалам освободительного движения.

В свою очередь, для наименования *przysięga* в русском языке эквивалентами являются слова *присяга* и *клятва*: ср. *przysięga Hipokratesa* – клятва Гипократа, *przysięga małżeńska* – супружеская клятва. Клятва служит также соответствием слову *przysięga* на уровне асерторического суждения. Все это вытекает также и из дефиниции слова *przysięga* – *uroczone zapewnienie o czymś, zwykle wypowiedziane w ustalonej formule; przyrzeczenie, ślubowanie*²¹.

Как *клятва* функционирует и слово *ślubowanie* в контексте, к примеру, приобщения к студенческой братии (ср. *ślubowanie studenta I roku* – клятва студента-первокурсника), однако относящееся к ученической среде *ślubowanie (ucznia)* – это уже *торжественное обещание* (ученика).

Необходимо подчеркнуть, что наличию в разных культурах подобных коммуникативных ситуаций не всегда сопутствуют параллельные тексты. Так, в традиции свадебного обряда ни в православной церкви, ни в российских органах государственной регистрации браков не произносятся слова супружеской клятвы. Наряду с этим наблюдается функционирование других типов текстов, которые порождаются той же самой ситуативной моделью. Иллюстрацией этому могут послужить торжественное напутствие молодоженам в ЗАГСе в восточнославянских странах и получившие в по-

²⁰ A. Wierzbicka. *Akty mowy*. Przedruk w: *Akty i gatunki mowy*. Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin 2004, с. 43–44.

²¹ *Słownik współczesnego języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa 1993

следнее время распространение письменные объявления в польских костелах, информирующее о дне венчания, а также о том, к какому приходу принадлежат жених и невеста. В Германии же функционирует официальное извещение о бракосочетании, отсутствующее в рассматриваемых нами культурных пространствах.

Экстралингвистическими факторами и обязательностью строгой языковой оформленности вызвано появление такой номинации, как *переприсяга*. Эта лексема до сих пор не отмечена в толковых словарях русского языка и часто в текстах дается в кавычках, что может указывать на ее определенную новизну («*Переприсяга*» в Петербурге была назначена на 14 декабря» – www.hrono.info). Она используется и для обозначения действия, связанного со второй присягой, т. е. ее принесению новому лицу (например, императору), правительству или государству, и для ситуаций, когда в случае ошибки при произнесении текста возникает необходимость повторения присяги, иначе теряется ее юридическая сила. Достаточно здесь вспомнить инцидент с Бараком Обамой, когда во время инаугурации только перестановка им двух слов в тексте присяги заставила усомниться в ее правомочии. В результате это и привело к повторному приведению новоизбранного президента к присяге. В польском языке используется слово *przysięga* с определениями *powtórna* или *druga*. Кроме того, слово *przysięga* определяет и прилагательное *ponowna*, когда имеет место повторение супружеской клятвы после нескольких лет брака, причем ее текст уже может быть видоизменен по усмотрению партнеров.

Если говорить о текстах религиозной направленности либо о формах рыцарских идеалов, то в таком случае наименования, как *обет*, *клятва*, *клятвенное обещание* выступают эквивалентными единицами применительно к слову *ślub* в польской жанровой среде, которое дало название и обряду вступления в брак. Подчеркнем, что в качестве номинации ритуального текста *обещание* обязательно функционирует с определениями *торжественное* или *клятвенное*. Это отличает его от речевого акта обещания в обыденных контекстах, в которых оно не обладает силой, способной привести к изменению действительности. В классификации польских жанров ему соответствует и название *przysiężenie* (ср. *przysiężenie podczas pierwszej komunii świętej* – *клятвенное обещание во время первого причастия*, что принято в католической церкви в Польше, *przysiężenie harcerskie* – *торжественное обещание харцеров*), в диапазон которого однако в других случаях входит клятва, к примеру: *przysiężenie ratownicze* – *клятва горных спасателей*.

Przysiężenie охватывает также значения слов *заклятия* и *зарока* (зарок трактуется и как *obietnica*), но уже, безусловно, исчезают присущие данным русским словам стилистические и семантические нюансы. Кроме того,

przrzeczenie в судебном разбирательстве служит торжественным уверением свидетеля в истинности показаний, переводчика – в верности текста оригинала и транслята, а эксперта – в подлинности проведенной экспертизы²². Соответствием в этом плане в русском языке будет *присяга*.

Эквивалентными по своей денотативной информации являются слова *posул* и *obietanka* (*obietnica, na której spełnienie nie można liczyć*²³), но их узуально-стилистический статус в обоих языках неравноправен: *posул*, как мы уже упоминали, относится к просторечной лексике, а *obietanka* – к нейтральной²⁴. Ненадежность, проявляемая в семантике слова *obietanka*, как и в случае слова *posул*, также находит свое выражение в пословице *Obietanka casanka, a głupietu radość*.

Таким образом, наряду с тем, что такие лексемы и их текстовые реализации, как *божба – zaklinanie się, zakłęcie się, слово – slowo, гарантия – gwarancja, обязательство – zobowiązanie, ручательство – poręczenie* характеризуются общими чертами, можно говорить об определенной асимметрии терминов на языковом уровне и в аспекте рече-жанрового сознания носителей разных языков, что подтверждается рассмотренными примерами. Расхождения проявляются в том, что в польском языке *przysięga, ślubowanie* и *przrzeczenie* обслуживают две области речевой деятельности – официальную и неофициальную. А вместе с тем *przysięga* и *przrzeczenie* могут выполнять роль и ассертивов, и комиссивов. Такой широкий спектр пересечения и взаимопроникновения, возможно, обусловлен тем, что в польской культуре по сравнению с русской функционирование речевых образований, называемых с помощью данных существительных, имеет более давнюю и богатую традицию. В русском же языке получило развитие отрицание совершения действия, что нашло свое отражение в словах зарок, заклятие, закайка. Отметим также безэквивалентность на текстовой плоскости, предопределяемую различиями в культурно-религиозных традициях, как, в частности, в случае супружеской клятвы. Несмотря на свою безусловную семантическую общность и даже возможную взаимозаменяемость в пределах одного языка слова, объединенные в данный круг, отличает также стилистическая маркированность и конвенциональность использования в определенных ситуациях, что создает дополнительные трудности при их переводе.

²² <http://encyklopedia.pwn.pl/haslo.php?id=3963944> Дата доступа 29. 06. 2011

²³ *Słownik Języka Polskiego*, t.2, pod red. M. Szymczaka, Warszawa 1988, с. 410

²⁴ Такого рода отношения рассматривает С. Сятковский в статье *Теоретические основы изучения отношений структурной и узуально-стилистической межъязыковой эквивалентности*. В: *Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках*. Под ред. С. Сятковского и Т. С. Тихомировой. Москва 1997, с. 8–28.

Отдельные из исследуемых номинаций входят в состав перформативных единиц, которые имеют значение ‘обещать’, ‘взять на себя обязательство’, ‘ручаться’: *дать обещание / клятву / обет / зарок / честное слово / присягу, брать / принимать на себя обязательство* и польские: *dać słowo, składać przysięgę/przrzeczenie, brać na siebie zobowiązanie*. Все из этих лексем непосредственно связаны с глаголами, большинство из которых является перформативными и многие из которых лежат в основе речевых жанров. При этом интересно отметить, что основополагающими для названия речевого акта или жанра могут быть иные семы, чем те, которые содержатся в базовом глаголе в самом тексте, например, *присяга – клянусь, przysięga małżeńska – ślubuję*. Эти нюансы ждут своей разработки в ходе дальнейших исследований.

Несмотря на то, что словарные дефиниции анализируемых слов включают различные критерии определения их значения, учитывая их функционирование в реальной коммуникации, их общий интенциональный смысл определяется как обязательства.²⁵ Нами были рассмотрены лишь те из них, которые берет на себя одна из сторон. В пределах этой интенции находятся также двусторонние отношения, которые проявляются в таких образованиях, как *договор, сговор, контракт, соглашение, сделка, перемирие, мир, пари* и их польских соответствиях (*umowa, kontrakt, porozumienie, transakcja, rozejm, pokój, zakład*). Все они могут стать предметом отдельного сопоставительного анализа.

---

²⁵ Н. Ш. Галлямова. *Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты*. «Вестник Томского государственного университета», серия «Язык и культура», № 3(11), 2010. <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/11/image/11-016.pdf> Дата доступа 05. 06. 2011